

ДУНИН-ВОНСОВИЧ Б. В. — в ПКК

ДУНИН-ВОНСОВИЧ Бронислав Валентинович, родился в 1898. В 1917 — окончил гимназию, до 1919 — учился в Житомирской духовной семинарии, с 1919 по 1920 — в Олыце и с 1920 — в Гнезно, куда переводилась семинария. 20 августа 1922 — рукоположен в Луцке, нелегально перешел границу и с 1922 — викарий прихода в Ушомире Житомирской епархии, с 1925 — администратор прихода в Макарове и декан Киевский. В мае 1926 — арестован, 26 декабря освобожден. В январе 1927 — вновь арестован, 27 января приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, работал санитаром в лагерьной больнице в Кемь. В 1929 — из лагеря освобожден, приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь и отправлен в Киренск Иркутской области.

В июне 1929 — юридическая комиссия ПКК ответила на запрос высланной в Усть-Кулом Марии Дунин-Вонсович, сестры ксендза Бронислава.

<8 июня 1929>

«М. ДУНИН-ВОНСОВИЧ

На Ваш запрос о брате Б. В. ДУНИН-ВОНСОВИЧ, согласно полученной справке сообщаю, что по отбытии срока в Соловках ему дана высылка в Сибирь. Писем от него не получали и адрес его нам неизвестен»¹.

В июне 1931 — в ПКК из Иркутска обратился за помощью сам ксендз Бронислав Дунин-Вонсович.

<10 июня 1931>

«<...> Убедительно прошу сообщить мне место пребывания и адрес сестры моей Марии, которая была в ссылке в Коми области. Более трех месяцев не имею о ней никаких сведений.

Вместе с коллегой КРИВЕНЧИКОМ с половины марта находились в заключении в г<ороде> Киренске, а теперь в Иркутске в тюремном изоляторе. Подтвердите, пожалуйста, еще раз время нашего обмена, ибо состояние здоровья не разрешает больше пребывать в условиях заключения. Средств или же поддержки нет никаких, состояние моего здоровья ухудшается с каждым днем, силы падают. Просим известить родных о нашем местопребывании и здоровье.

С совершенным почтением. Кс<ендз> Д<унин>-В<онсович>»².

В июле 1931 — в ГПУ обратилась Мария Дунин-Вонсович с просьбой о помощи брату.

<19 июля 1931>

«<...> По полученным мною сведениям, брат мой Бронислав ДУНИН-ВОНСОВИЧ после ареста в селе Никольском в настоящее время находится в Иркутске в изоляторе. Мне не известна причина его ареста, но считаю своим моральным долгом обратиться к Вам с просьбой, ходатайствовать перед Польским Консулом об ускорении его отправки за границу.

¹ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 1632. С. 5. Машинопись.

² ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 1632. С. 10. Автограф.

М. Д<унина>-Вонсович»³.

В марте 1931 — ксендз Бронислав был арестован, в июне переведен в Иркутский изолятор, а 1 февраля 1932 — отправлен в Красноярскую тюрьму. В июле 1932 — заключенные Борис Дунин-Вонсович и Виктор Кривенчик обратились в ГПУ с заявлением.

<3 июля 1932>

«<...> 1 февраля мы прибыли из Иркутского в Красноярский Изолятор, где согласно объявленного нам Постановления, должны были быть освобождены из-под стражи для отбытия оставшегося срока ссылки. Однако, мы не только не были освобождены, не только в заключении окончили срок ссылки (КРИВЕНЧИК — 6/V, ДУНИН-ВОНСОВИЧ — 9/V с<его> г<ода>), но уже второй месяц после срока находимся все под стражей.

Содержание нас под стражей после отбытия назначенных нам мер соцзащиты (3 года Сол<овецкого> лагеря и 3 года ссылки) мы вынуждены рассматривать не как простое недоразумение (вроде того, что в Красноярском Опер<ативном> Секторе ПП ОГПУ по В<осточно>-С<ибирскому> К<раю> нет сведений о нашем сроке), а как преднамеренно сознательное систематическое издевательство над нами, как служителями религиозного культа.

Заявляем категорический протест против незаслуженных репрессий, каким продолжаем подвергаться. Если по своему мировоззрению мы "чужды" советской общественности, если для нас, кроме тюрьмы, нет места в стране строящегося социализма, тогда почему не удовлетворить нашей просьбы: обращались в ПП ОГПУ по ВСК, и не разрешить нам выехать раз навсегда из пределов СССР, хотя бы в Польшу, откуда мы в свое время прибыли. Вряд ли в интересах Соввласти подвергать нас бесконечным и бессчетным репрессиям?

Нами неоднократно заявлялось, что мы аполитичны, что никакого отношения к контрреволюции не имели и не имеем. За все испытания, каким мы подвергаемся, Полит<ические> Органы Соввласти могут досконально проверить и убедиться, насколько неосновательны на нас, как на каких-то преступников или врагов Соввласти, насколько нецелесообразно содержать нас наравне и в одинаковых с уголовным элементом условиях. Осмеливаемся надеяться, что если по каким-нибудь соображениям нам не разрешат выезд из пределов СССР, то последует с Вашей стороны распоряжение об немедленном освобождении нас из-под стражи.

В. КРИВЕНЧИК, Б. ДУНИН-ВОНСОВИЧ»⁴.

В ноябре 1932 — ксендз Бронислав Дунин-Вонсович вновь обратился в ПКК за помощью.

<11 ноября 1932>

«<...> Три раза подряд письменно я обращался к Вам с просьбой в отношении моего освобождения и, не получив ответа, смею предполагать, что либо мои письма не получены, либо помочь моему горю нет возможности. Настоящим обращаюсь еще раз к Вам и, быть может, последний раз.

³ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 1632. С. 12. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 1632. С. 15. Автограф.

В силу всех сложившихся обстоятельств, я вынужден прийти к тому печальному заключению, что я, как ксендз и поляк, должен быть жертвой под тем или иным предлогом, измышленными некоторыми властью имущими лицами на местах, дабы оправдать себя.

Подвергаясь бесконечно неза заслуженным репрессиям и издевательствам, я устал физически и нравственно, и мое лишь единственное желание — отдохнуть. Если же оскорбления будут набирать поголовный характер, мне, наверное, не в силах будет удержаться от категорического протеста в форме голодовки.

К Вам будет моя последняя покорнейшая просьба, переслать моим родным мою сердечную благодарность за всю оказанную помощь и мой привет. В отношении 5 руб<лей> денег на мое имя получается несурзаца. Изолятором они получены с обещанием выдавать мне по 1 руб<лю> в месяц на основании правила в этом отношении для заключенных. Прошу высылать на имя ФАЦЕВСКОЙ Эмилии, гр. Красн<ая> улица, д. № 15, кв. 16, Лебедевой.

С совершенным почтением Кс<ендз> Дунин-Вонсович⁵.

В июле 1933 — ксендз Бронислав Дунин-Вонсович вновь обратился в ПКК за помощью.

<6 июля 1933>

«Настоящим осмеливаюсь обратиться к Вам с извещением о том, что я прибыл на место ссылки, помимо моих протестов в местные, краевые и центральные органы власти о неправильном или же ошибочном применении репрессий, ничем не заслуженные с моей стороны, ибо ни преступлений за мной не числится, ни обвинения мне не представлено. Ответа на мои протесты не последовало, а мне предложено направиться на место назначенной ссылки в Пировский район. Я очутился перед лицом критического положения. Несмотря на то, что все сроки наказания, накладываемые на меня, я отбыл с полуторагодовым излишком, меня отправили в голодный край, лишив всякой поддержки и пайка, так что в перспективе голодная смерть. С другой опять стороны, несмотря на то, что я из рабочей среды, на то, что я не имею образования, ко мне применяются всякого рода беззакония. Я все предполагал, что это ошибка или какое-то недоразумение. 3 июля обратился к Прокурору Союза СССР т. Акулову по этому поводу. К Вам же обращаюсь с покорнейшей просьбой о Вашем содействии на материальную помощь, т<ак> к<ак> теперь в этом особенно нуждаюсь.

С совершенным почтением. Кс<ендз> Дунин-Вонсович

Вост<очно>-Сиб<ирский> Край, п<очтовое> о<тделение> Пировск, до востребования»⁶.

6 июля 1933 — ксендз Бронислав был освобожден из тюрьмы. В декабре 1933 — он обратился в ПКК за помощью.

<23 декабря 1933>

«Благодаря создавшимся обстоятельствам я принужден обратиться к Вам за советом и просьбой о помощи. 16 декабря меня вызвал Уполн<омоченный> по особо важн<ым> делам при Красноярском Опер<ативном> Сект<оре> ГПУ и объявил мне, что по распоряжению Москвы я освобожден подчистую и могу уезжать, куда мне угодно. За

⁵ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 1632. С. 21. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 1632. С. 25. Автограф.

получением документов направил меня в отдел, где эти документы получаются, заверив при этом, что документы я могу получить в тот же день, когда я был вызван. Несмотря на заверения, получение документов откладывали с одного дня на другой. В конце концов, вчера мне сказали, что никаких документов я не получу до ответа с Иркутска. Вся эта история для меня непонятна и выглядит на издевательство в форме лишения свободы. Я в недоумении, тем более, что на издевательство со своей стороны я ничем не заслужил. Кроме того, благодаря случайным стечениям обстоятельств, во время хождения за документами, я ушибся и чувствую ощутимую боль в области спины, так что передвигаюсь с трудом и возможно слягу окончательно. Лечиться же не могу из-за отсутствия средств. Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой о содействии и помощи.

С совершенным почтением. Кс<ендз> Дунин-Вонсович»⁷.

В январе 1934 — ксендз Бронислав отправил в ПКК письмо с объяснениями в ответ на их телеграммы.

<8 января 1934>

«В ответ на Ваши две телеграммы в отношении моего свободного проживания извещаю, что официально мне пояснили, что проживать свободно во всех назначаемых мне отдаленных местностях мне не воспрещалось, но для знающего советское право быть свободным для меня стоит в зависимости от снятия с особого учета и приобретения подданства, т<ак> к<ак> я пока нахожусь вне всякого подданства. В связи со всем этим положение, в котором я нахожусь, пока то самое.

С совершенным почтением. Б. Дунин-Вонсович»⁸.

В мае 1934 — ксендз Бронислав отправил в Москву анкеты и фотографии для оформления выезда в Польшу на 3 месяца для лечения, что позднее для следствия стало основанием, чтобы обвинить его «в шпионаже в пользу Польши». В мае 1935 — арестован по обвинению в том, что «в 1922 он был завербован иностранной разведкой и направлен в СССР для шпионской работы»⁹. В январе 1936 — в ПКК пришло от него письмо из Красноярской тюрьмы.

<1 января 1936>

«Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой прислать мне срочно Ваше официальное подтверждение получения Вами по почте в конце мая 1934 г<ода> присланные Вами по почте и заполненные мною анкеты и фотографические мои карточки, насчет предполагавшегося тогда моего выезда на три месяца в Польшу для лечения. За эти анкеты и фотокарточки уже девятый месяц меня содержат в зверских условиях больного в местной тюрьме, инкриминируя шпионаж в пользу Польши. Ваше подтверждение необходимо мне для предъявления в Военный трибунал 94 стр<елковой> дивизии, где меня собираются судить по несуществующему преступлению. Нахожусь в таких условиях, что нет возможности писать о своей невинности ни в Центральные власти, ни Вам, ни даже письма домой.

Подтверждаю при сем получение присылаемой за это время

⁷ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 1632. С. 30. Автограф.

⁸ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 1632. С. 32. Автограф.

⁹ На самом деле, в военное время он со своей семинарией находился на территории вновь созданного государства — Польши — и перешел границу, чтобы быть священником на родине — Украине.

материальной помощи, сердечно благодарю. С совершенным почтением.
Кс. Дунин-Вонсович. Польский подданный»¹⁰.

В феврале (?) ксендз Бронислав по ходатайству ПКК был освобожден из Красноярской тюрьмы, но на свободе пробыл недолго. 31 марта 1936 — вновь арестован и привлечен к следствию по групповому делу организации "Сибирский Центр ПОВ". В апреле 1936 — в ПКК обратилась за помощью мать ксендза Бронислава Дунина-Вонсовича, у которой были еще старые сведения о первом аресте ее сына.

<1 апреля 1936>

«Я получила от своего сына Бронислава Дунина-Вонсовича убивающее меня письмо. Он и по сей день находится в ужасных условиях тюрьмы, несмотря на открытый туберкулезный процесс. Вам известно положение моего сына, ведь десять лет он не выходит из ссылок и тюрьмы. По словам сына, его и теперь обвиняют в переходе границы и распространении польской литературы. Но, насколько мне известно, он, действительно, переходил границу в 1920 году, возвращаясь по окончании своего образования в Польше к своим родным на родину. Этого он не скрывал. Но теперь, почему-то, не имевший под собой никаких антисоветских тенденций тогда, теперь он квалифицируется, как антигосударственный акт, направленный против Советского правительства и партии, и влечет за собой высшую меру наказания. Как видно из слов сына, он вполне осознал свои нетактичные нарушения дисциплины ссыльных, совершая иногда для себя ритуал, но что проступков и деяний, направленных против Советской власти, с его стороны не бывало; по отношению к Советской власти он был всегда лоялен.

Убедительнейше прошу Вас, взяв эти мои слова в основу просьбы, обратиться от меня, исстрадавшейся матери, и к польскому консулу, и в НКВД, и в ЦИК, чтобы ему во-время, при первой же возможности разрешили бы выезд в Польшу, если тут в СССР он не заслуживает свободы. Туберкулез, приобретенный им в страшных лишениях 10-летней ссылки, катастрофически сокращает дни его быстро текущей жизни. Помогите! Прошу Вас направить прилагаемое заявление польскому консулу и не поставьте себе в труд сообщить и о получении наших заявлений и, в будущем о результатах моей просьбы <...>.

Всегда благодарная и обязанная Вам. Т. Д<унина>-Вонсович»¹¹.

19-24 июня 1936 — ксендз Бронислав на закрытом судебном процессе был приговорен к 10 годам ИТЛ, но в августе освобожден по болезни¹². Прибыл для лечения в Житомир, но через две недели, по требованию органов НКВД, вынужден был вернуться в Сибирь. В августе 1937 — арестован и привлечен к следствию по новому делу организации "Сибирский Центр ПОВ". 4 января 1938 — приговорен к ВМН и 18 января расстрелян¹³.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 1632. С. 35. Автограф.

¹¹ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 1632. С. 38. Автограф.

¹² Тяжелая форма туберкулеза.

¹³ Книга Памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. М.: «Серебряные Нити», 2000. С. 66.